

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/81/7

Петлюровская делегация в белом Крыму (август – сентябрь 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается визит военной делегации Украинской Народной Республики во врангелевский Крым в августе – сентябре 1920 г.; использованы материалы трёх российских, двух украинских и двух американских архивов, воспоминания участников событий и материалы крымской прессы. Делегация, состоявшая из пяти человек (полковник И.Д. Литвиненко, полковник М.Н. Крат, Л.Е. Чикаленко, сотник И.К. Блудымко, хорунжий К. Роменский), не имела полномочий для подписания союзного договора, а главной целью её приезда было понять, насколько прочно положение Русской армии. Делегация, выехавшая из Галичины через Румынию, прибыла сначала в Ялту, а затем в Севастополь. Приезд петлюровцев оказался неожиданностью для врангелевских властей, долгое время не знавших, что с ними делать. Не вполне удачным оказался и выбор главы миссии, так как Литвиненко плохо знал русский литературный язык и с трудом выражал свои мысли. Из-за этого возник ряд недопониманий, а главный советник Врангеля по украинскому вопросу генерал-майор В.Ф. Кирей посчитал требования петлюровцев завышенными и поэтому не хотел представлять их главнокомандующему. В конце концов члены делегации всё же встретились и с Врангелем, и с другими лицами из его окружения – А.В. Кривошеиным, П.Н. Шатиловым, П.Б. Струве. Встречи прошли в конструктивной манере, но ни к чему конкретному не привели. Обе стороны признавали, что военное соглашение необходимо, но, несмотря на это, политические противоречия между Югом России и УНР оставались слишком серьёзными. Своей главной цели украинская миссия всё же добилась, так как ей удалось узнать, что положение Врангеля не настолько проч-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна – осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

но, как писала иностранная пресса, а его десанты на Кубань и на Дон окончились провалом.

Ключевые слова: Гражданская война, Русская армия, Украинская Народная Республика, Крым, Юг России, П.Н. Врангель, С.В. Петлюра

Petliura's delegation in White Crimea (August–September 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

This article examines the visit of a military delegation from the Ukrainian People's Republic to Wrangel's Crimea in August–September 1920. It draws upon materials from three Russian, two Ukrainian, and two American archives, alongside memoirs of participants and contemporary Crimean press reports. The delegation, composed of five members: Colonels I.D. Litvinenko and M.N. Krat, L.E. Chikalenko, Sotnik I.K. Bludymko, and Cornet K. Romensky, lacked the authority to conclude a formal alliance. Its principal aim was to assess the stability of the Russian Army's position. Traveling from Galicia via Romania, the delegation first arrived in Yalta before proceeding to Sevastopol. The arrival of the Petliurites caught Wrangel's administration by surprise, leaving officials uncertain how to respond. The choice of delegation head also proved somewhat problematic, as Litvinenko had a limited command of literary Russian and struggled to articulate his points clearly. This resulted in several misunderstandings. Wrangel's chief adviser on Ukrainian affairs, Major General Vasily F. Kirey, regarded the Petliurites' demands as excessive and initially declined to forward them to the commander-in-chief. Despite these difficulties, the delegation eventually met with Wrangel as well as key members of his circle—Aleksandr V. Krivoshein, Pavel N. Shatilov, and Pyotr B. Struve. While these discussions were conducted in a constructive manner, they produced no concrete agreements. Both sides acknowledged the need for a military accord, yet the profound political differences between South Russia and the Ukrainian People's

* The study was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00046 "The Ukrainian question in General Pyotr N. Wrangel's policy (spring - autumn 1920)", <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Republic remained unresolved. Nevertheless, the Ukrainian mission achieved its core objective: it ascertained that Wrangel's position was less secure than foreign press accounts suggested and that his amphibious operations in the Kuban and Don regions had ended in failure.

Keywords: Civil War, Russian Army, Ukrainian People's Republic, Crimea, South Russia, Pyotr N. Wrangel, Symon V. Petliura

В августе 1920 г. в Ставку головного атамана Украинской Народной Республики (УНР) С.В. Петлюры прибыл полковник Я.Д. Нога, который формально представлял главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) / Русской армии П.Н. Врангеля, фактически же был послан генерал-лейтенантом Я.А. Слащёвым. Петлюра и командующий армией УНР генерал-поручик М.В. Омелянович-Павленко, выслушав предложения Ноги о совместных действиях ВСЮР и УНР против красных, отнеслись к ним осторожно и решили прежде, чем давать конкретный ответ, выслать в Крым ответную миссию в составе пяти человек и понять реальную силу Врангеля [30]. Этой миссии, находившейся в Крыму с 12 (25) августа по 1 (14) сентября 1920 г., и посвящена данная статья.

Ещё в 1926 г. украинский эмигрант И. Борщак (И.Л. Баршак), в то время работавший на СССР, опубликовал некоторые подробности об этой миссии, в том числе текст речи главы петлюровской делегации, в которой провозглашалась слава Русской армии и её вождю. «Добавить что-то к этому документу тяжело и излишне. Ради осуществления своей личной амбиции и жажды власти Петлюра “бил челом” представителю чёрной сотни, наипугливейшему национальному и социальному врагу украинского народа», – комментировал Борщак эту речь [1]. Целью работы Борщака была дискредитация Петлюры, представляемого в качестве союзника русских монархистов и ненастоящего украинского патриота – в отличие от большевиков. В 1933 г. во Львове вышла статья генерал-хорунжего П.Ф. Шандрука, представлявшая собой пересказ отчёта Литвиненко, сохранившегося в архиве властей УНР [12]. Советский историк Р.Г. Симоненко, рассказывая о результатах поездки, утверждал, что «бывшие царские генералы и офицеры быстро нашли общий язык» [18: 242]. Краткие упоминания об этой теме можно обнаружить в работах целого ряда исследователей [4: 153; 32: 155 – 157], наиболее же подробно визит делегации УНР в Крым рассмотрен в работах А.В. Иванца, полагавшего, что «во время переговоров в Севастополе обе стороны выдвинули друг другу малоприемлемые или неприемлемые условия, поскольку их идейно-политические платформы были существенно разными», но, несмотря

на отсутствие конкретных договорённостей, переговоры решено было продолжать [7: 77–89]. Таким образом, тема визита петлюровской делегации в Крым не является совершенно не изученной, но всё же многие аспекты данного события так и не были рассмотрены, а ряд важных источников остался вне поля зрения историков.

Глава делегации Иван Данилович Литвиненко (1890–1947) родился в селе Хоружевка Роменского уезда Полтавской губернии в крестьянской семье. В 1920 г. он утверждал, что окончил высшую начальную школу в м. Смелом, а затем, в 1912 г. Высшие московские коммерческие курсы. По всей видимости, эти данные не вполне соответствовали действительности. Много лет спустя на допросе в МГБ УССР он рассказал, что до 1912 г. проживал в Хоружевке, периодически отлучаясь из села на учёбу в м. Смелое, в котором и окончил двухклассное училище в 1904 г. До 1907 г. работал учеником писаря в волостном управлении, в 1907–1908 гг. – табельщиком экономии, в 1908–1909 гг. – помощником волостного писаря, в 1909–1912 гг. – вновь табельщиком экономии. В 1912 г. Литвиненко уехал к знакомому в м. Тростянец Подольской губернии и работал счетоводом в экономии. В 1915 г. он был призван на службу в ополченскую дружину, в том же году, находясь в Киеве, сдал экстерном экзамен за шесть классов гимназии и был направлен в 1-ю школу прапорщиков государственного ополчения Юго-Западного фронта в Житомире. По возвращении в Киев командовал взводом и ротой в 147-й Воронежской дружине, летом 1917 г. был произведен в подпоручики. На украинскую службу Литвиненко вступил в конце 1917 г. Летом 1920 г. И.Д. Литвиненко был произведён в полковники и возглавил 2-ю Запорожскую бригаду 1-й Запорожской дивизии армии УНР [23: 165–168, 232; 24: 3–4 об.]. Не вполне понятно, почему руководство миссией было доверено именно ему, человеку малообразованному и неинтеллигентному. Такой странный выбор главы делегации окажет определённое влияние на её результаты.

Куда больше подходил для руководства делегацией другой её участник – полковник Михаил Николаевич Крат (1892–1979). Он родился в семье потомственных дворян Полтавской губернии, происходивших из казаков Гадячского полка; его отец Н.А. Крат дослужился до чина генерал-майора гвардии. По одним данным, Крат родился в Санкт-Петербургской губернии, по другим – в Гадяче. Воспитывался он в Сумском кадетском корпусе и 1-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, затем окончил полный курс в Павловском военном училище по первому разряду. В 1911 г. Крат был произведён в подпоручики в 93-й пехотный Иркутский полк, в составе которого принял участие в Первой мировой войне. За время боёв получил четыре ранения и

каждый раз возвращался после лечения в свой полк, был награждён многими наградами, в т.ч. орденом Св. Георгия 4-й ст., сербским орденом Звезды Карагеоргия 4-й ст. с мечами, солдатским Георгиевским крестом 4-й ст. В конце 1916 г. 24-летний Крат был произведён в подполковники, в октябре – декабре 1917 г. временно командовал своим полком. В декабре 1917 г. Крат покинул полк, выразив желание поступить в одну из украинских частей 33-й дивизии [9: 11; 15: 1–16].

Как Крат вспоминал впоследствии, отец его «не был не то, что украинским патриотом, а даже не был сознательным украинцем», мать же, происходившая из великорусского рода Протопоповых, ужаснулась, когда сын, общавшийся с простыми солдатами, стал разговаривать «по-хохлацки». В годы Первой мировой войны Крат лечился в госпитале в Царском Селе, был знаком с императрицей Александрой Фёдоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной, орденом Св. Георгия ему вручал лично император Николай II. Уже после революции Крат выступил на страницах прессы в защиту свергнутой императрицы, обменялся почтовыми карточками с находившейся под арестом великой княжной Ольгой, а революционно настроенные солдаты подозревали своего командира в монархических симпатиях. «И даже во время службы Украинской Народной Республике я никогда не скрывал своего чувства к замученной царской семье», – вспоминал Крат. Несмотря на это, он посчитал, что раз в России нет царя, то Переяславское соглашение больше не действует, а он лично свободен от присяги [9: 24, 32–33, 37, 41, 43–45, 49].

С конца 1917 г. Крат занимал различные командные посты в армии УНР, участвовал в восстании против гетмана, сражался против красных и белых. Во время 1-го Зимнего похода 1919–1920 гг. полковник Крат был начальником штаба Сводной Запорожской дивизии [21: 222]. Именно Крат, имевший репутацию монархиста и, благодаря отцу, хорошие связи в гвардейских кругах, мог найти общий язык с «гвардейским» окружением Врангеля, но по неизвестной причине выбор был сделан в пользу Литвиненко, а участие Крата в миссии было ограничено участием в обсуждении технических и оперативных вопросов.

Третий ключевой участник миссии – Лев Евгеньевич (Левко Евгенович) Чикаленко (1888–1965) – был человеком гражданским, представляющим, в отличие от Литвиненко и Крата, политическое руководство УНР. Никакого воинского звания он не имел, но так как миссия была в первую очередь военной, ему перед отъездом выдали фиктивные документы сотника артиллерии [31: 117]. Лев Чикаленко, сын главного спонсора украинского движения Евгена Чикаленко, ещё со времен учебы в киевской гимназии приобщился к украин-

скому социал-демократическому движению. Отучившись несколько лет в Лозаннском университете, Чикаленко продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете на физико-математическом факультете, специализируясь по кафедре географии и этнографии. В 1917 г. окончив университет и став кандидатом естественных наук, он был оставлен на кафедре профессорским стипендиатом, но из-за революционных событий решил вернуться в Киев. В том же 1917 г. Чикаленко стал секретарём Центральной рады и гласным Киевской городской думы, преподавал в 1-й Киевской гимназии и в Украинском народном университете. Летом 1920 г. он был советником Министерства внутренних дел УНР [3: 187–188]. Петлюровские власти желали, чтобы в составе делегации было лицо, которое хоть немного ориентируется в общественно-политических делах. Сам Чикаленко полагал, что выбор пал на него потому, что он осенью 1919 г. уже участвовал в переговорах с белыми в Киеве в качестве представителя киевского городского самоуправления, а затем ездил на Дон и Кубань для переговоров с местными казачьими властями в надежде оторвать их от А.И. Деникина. Узнав о предстоящей поездке, Чикаленко посетил Ставку в Хриплине для разговора с Петлюрой, а затем штаб армии в г. Бучач, где ему выдали документы. Вернувшись в Хриплин и получив от начальника охраны головного атамана новую военную форму и деньги от Министерства финансов, Чикаленко поехал через Черновцы в Бухарест догонять уже уехавшую делегацию [31: 115–116].

Двое оставшихся членов миссии играли в ней второстепенную роль. Иван Косьмич Блудымко (1897–1967) происходил из г. Глухов Черниговской губернии. После окончания гимназии он поступил в Харьковский университет, но в 1916 г. был призван в армию и по окончании Оренбургской школы прапорщиков оказался в 51-м пехотном Литовском полку. Выйдя в запас в 1918 г., он попытался возобновить учёбу, но уже в декабре поступил в Запорожскую дивизию армии УНР, в которой и служил в последующие годы. В апреле 1919 г. Блудымко был произведён в сотники [8: 71–72; 24: 7]. Про Константина (Костя) Роменского известно лишь то, что он числился в пехоте, в хорунжие был произведён в июне 1920 г. [25: 87]

Члены миссии впоследствии отмечали, что посланы они были с информационной целью [28: 44]. «Я как глава военной делегации петлюровцев не имел уполномочий на заключение военного союза. Я только должен был подготовить этот военный союз, и, если Врангель согласится на условия, которые я выдвину, договориться о времени и месте, где военный союз должен был быть заключён, – сообщал Литвиненко много лет спустя. – По поручению Петлюры перед Врангелем я должен был выставить требования следующего

характера: петлюровцы согласны на заключение военного союза в борьбе против Красной армии при условии, что оперативное командование всеми войсками, которые будут вести борьбу против Красной армии на территории Украины, в том числе и врангелевскими, будет осуществлять правительство УНР. Кроме этого, я должен был договориться с Врангелем, что он разрешит из украинцев, которые находились в его армии, сформировать отдельный украинский корпус» [23: 168]. М. Омелянович-Павленко вспоминал, что делегация имела задание установить связь с армией Врангеля и предложить ему выслать в украинскую Ставку или в Бухарест уполномоченного для выработки условий военной конвенции [13: 432].

1 (14) августа 1920 г. делегация в составе Литвиненко, Крата и Блудымко выехала из Бухареста в Галац, где провела неделю, дожидаясь парохода в Крым. За это время к ней присоединились Чикаленко и Роменский, а через некоторое время и возвращающийся от Петлюры Нога. 9 (22) августа делегация села в Рени на пароход «Саратов» и 12 (25) августа прибыла в Ялту, о чём было сообщено в одной из местных газет [27: 3–3 об.; 31: 117]. «Как молния разошлось известие про её приезд по всей Ялте. Гомонили, что она прислана предложить Врангелю союз против большевиков. Чуть ли не весь город кинулся на набережную увидеть приезжих и узнать что-то определённое», – вспоминал бывший гетманский министр В.Н. Леонтович [10: 16]. 15 (28) августа делегация на маленьком катере покинула Ялту и в тот же день прибыла в Севастополь, где была, согласно отчету Литвиненко, встречена находившимся в распоряжении генерала для поручений по украинским делам В.Ф. Кирея поручиком Г.А. Шуйским, который проводил гостей до предназначенных им помещений и сообщил главе миссии, что находится в его распоряжении. Как оказалось, Врангель и его начальник штаба генерал-лейтенант П.Н. Шатилов в тот момент были на фронте. Чикаленко вспоминал об этом дне немного иначе. По его словам, делегацию никто не встретил, что заставило Ногу волноваться. Нога куда-то часто бегал (возможно, к телефону), просил немного подождать и наконец отвез Литвиненко, Крата и Чикаленко в гостиницу, а Блудымко и Роменского – в реквизированное помещение какого-то врача. Успокоив Ногу, волновавшегося из-за случившейся незадолго до этого отставки Слащёва, члены делегации решили ждать, что будет дальше [27: 3 об.; 31: 123–124].

16 (29) августа делегацию принял Кирей. Он был вежлив, но вся встреча свелась к предъявлению мандатов, а разговор носил ознакомительный характер. «Ген[ерал Кирей принял нас очень благосклонно, но сесть не предложил, а отвёл нас в дальний угол огромной комнаты, в которой было несколько офицеров, что-то разглядывавших на

большой карте, разложенной на большом столе посреди комнаты, попросил прощения, потому что он очень занят, спросил, как нам понравились наши места проживания, чисто ли, спокойно ли, посоветовал не волноваться, а спокойно жить и рассматривать город, так как тут определённо и знакомых у нас не одна семья найдётся», – вспоминал Чикаленко. Кирей попросил заходить к нему «запросто», но в часы приёма, и проинформировал о положении на фронте. По его словам, планировалось развивать успех на Кубани и поднять восстание на Дону. Основные силы должны были проводить операции на Кавказе, держа при этом заслон на Перекопском перешейке. Это, по словам Кирея, не делало невозможным контакт Русской армии с армией УНР, так как связь можно было поддерживать через этот заслон. Врангель, по словам Кирея, как раз выехал на Тамань, где был торжественно встречен местным населением [6: 45; 27: 3 об. – 4; 31: 126–127].

В Севастополе руководители делегации остановились в гостинице «Бристоль» (Нахимовский пр., д. № 8). Во время одной из прогулок Крат встретил своего старого знакомого генерал-лейтенанта Г.Е. Янушевского, ранее служившего в петлюровской армии, а теперь числившегося в резерве чинов при штабе Русской армии. Крат познакомил Янушевского с Литвиненко, а Янушевский организовал встречу членов делегации с местными украинскими деятелями (Н.Г. Левченко и др.), из Ялты были вызваны бывший председатель Киевской губернской земской управы И.Г. Черныш и бывший член Государственного совета И.Н. Леонтович [5: 174–175]. Севастопольские украинцы проинформировали делегацию о чрезвычайно хитрой политике Кирея, который «является „докладчиком по украинским делам“, но докладчиком на пользу не Украины, а исключительно России» [27: 5 об.].

18 (31) августа делегация была принята А.В. Кривошеиным в его кабинете. Кривошеин после обмена приветствиями заметил, что сейчас не время вести политические разговоры, а нужно думать только про то, как всем объединиться против общего врага [27: 6]. «Может, мы с вами теперь и не договоримся, – заявил он, – но ясно каждому, что украинский вопрос не может решаться так, как в прошлом году» [28: 47]. «По сути визит наш был только для того, очевидно, организован, чтобы Кривошеин убедился, что мы не какие-то там махновцы или что-то в том роде и что нас не стыдно показать их министрам и самому Врангелю», – вспоминал Чикаленко. Объясняя, почему приём состоялся с таким опозданием, Кривошеин сослался на занятость, а также намекнул на то, что приезд украинской делегации оказался для крымских властей неожиданным и в какой-то мере даже нежелательным. Чикаленко, не выдержав, заметил, что при таких сложных

обстоятельствах возможны ошибки разного рода, и переговоры можно отложить, но Кривошеин тут же постарался загладить свое нетактичное поведение и пообещал, что приём у Врангеля состоится. Чикаленко в своих воспоминаниях так писал про главу правительства Юга России: «Не скажу, чтобы он мне понравился, но было видно, что и мы ему не очень понравились. Но, видимо, обстоятельства или приказ сверху предписывали ему такое поведение, которого он, быть может, и вовсе не желал» [31: 140–142; 34: 1652–1653]. По сведениям Блудымко, Кривошеин поинтересовался, где находится отряд генерала Омеляновича-Павленко, заметил, что, «разница между украинцами и русскими как в языке, так и во всём остальном очень маленькая», задал ряд вопросов про организацию, вооружение и форму армии УНР, после чего закончил приём [6: 45 об.].

В докладе неких Григорьева и С. Геккера, написанном уже после эвакуации белых из Крыма, утверждается, что украинские делегаты, в прошлом бывшие офицерами Русской армии, отказались вести переговоры на русском языке, заявив, что признают обязательным для себя «дипломатический» французский язык, но после резкой отповеди Кривошеина они «вдруг обрели дар русской речи» [29: 300]. Нам это представляется маловероятным, хотя языковая проблема, по словам Чикаленко, во время встречи действительно возникла – как оказалось, полковник Литвиненко, происходивший из крестьянской семьи, не получивший полноценного образования и до войны служивший счетоводом на сахарном заводе, плохо знал русский литературный язык. Так, например, он вместо «орудие» говорил «орудия» («две орудия», «четыре орудия»). Кривошеин усмехался в усы и даже переспрашивал Литвиненко, повторяя его несуразные слова. Чикаленко, наблюдавший за мучениями полковника, старался не рассмеяться и тем самым не скомпрометировать главу делегации; его брала досада, причём как до этой встречи, так и после неё, почему руководителем был назначен именно Литвиненко, а не Крат [31: 141].

Пока делегация ждала Врангеля, Чикаленко в частном порядке посетил Кривошеина и Кирея. Из этих разговоров делегация поняла, что о самостоятельности и организации украинской власти в тылу у Врангеля и речи быть не может [27: 6 об.]. Кирей попросил выяснить те условия, на каких правительство УНР могло бы заключить военное соглашение с правительством Врангеля, и заявлял, что необходимо общее командование всеми антибольшевистскими силами и что это командование должен принять Врангель [6: 45].

Симферопольские газеты перепечатали сообщение ялтинских газет о прибытии украинской делегации, в севастопольских же газетах ни одного слова про делегацию напечатано не было. Литвиненко спро-

сил у Кирея, в чём дело, сославшись на то, что газете «Юг России» не было разрешено напечатать известие о приезде делегации. Кирей был страшно удивлён, но ничего так и не поменялось (впрочем, впоследствии «Юг России» всё же напечатает сообщение о приеме украинцев Врангелем) [27: 6 об.]. По словам Янушевского, во время пребывания петлюровцев в Севастополе к ним подходили репортёры почти всех газет, прямо говорившие, что генерал Кирей воспретил им писать про делегацию, и только державшаяся независимо газета Б.А. Суворина напечатала небольшую заметку о приезде украинцев [5: 182]. Суворинское «Время» не только сообщило о прибытии миссии «со специальными поручениями от атамана Петлюры» [11], но и обратилось к Литвиненко с просьбой об интервью. Согласие было получено, и Чикаленко от имени делегации побеседовал с репортёром «Времени», причём, по утверждению главы миссии, он «разговаривал не только не шовинистично, а даже в очень осторожном тоне». Прочитав опубликованный материал, Литвиненко остался им недоволен [27: 6 об. – 7]. Действительно, интервью вышло достаточно сумбурное. С одной стороны, Чикаленко говорил, что «украинский народ борется и будет до конца бороться за свое самостоятельное существование», но тут же добавлял, что «мы были и остаемся сторонниками федерации в самом широком смысле этого слова»; отмечал, что Россия нужна и необходима Украине, и тут же переходил на дружбу с поляками, спаянную общей борьбой, и признание украинского независимого государства Финляндией, Грузией и прибалтийскими государствами. «Украинская армия послала нас в Крым с целью выяснения условий, на каких было бы возможно заключить чисто военное соглашение с правительством Юга России для борьбы с большевиками, а также с целью выяснения возможности в будущем разрешения вопроса союза и федерации, – объяснял интервьюируемый цель визита. – Наше исключительное стремление возможно скорее и лучше уладить эти вопросы. Мы представлялись А.В. Кривошеину и через несколько дней будем приняты правителем Юга России ген[ералом] Врангелем. От переговоров с ним и будет зависеть, в какую форму выльются наши отношения. Мы же являемся, как и всегда, сторонниками федеративного строя, в котором не было бы гегемонии и, поскольку это будет принято во внимание, постольку будет облегчено дело ведения переговоров» [2].

Б. Суворин, комментируя интервью Чикаленко, заметил, что «в нём всё гордо, всё победоносно и всё ультимативно». В ответ на обвинения со стороны Чикаленко, что «широкие круги русского общества не оказали достаточной поддержки» Украине, он напомнил про убийство петлюровцами генерала графа Ф.А. Келлера и самые

бессмысленные гонения на всё русское. Редактор газеты отмечал, что широкой поддержки в русском обществе украинская миссия не найдёт, а военное соглашение нужно не только России, но и Украине, Польше и даже Румынии – в той же мере, если не больше [20].

Несмотря на цензурные ограничения, весть о появлении гостей нельзя было спрятать, так как они, «разряженные, как опереточные герои, в яркую форму, разгуливали по городу» [29: 300]. «Они ходили в новеньких голубоватых мундирах, сшитых, как они говорили, в Чехословакии с помощью доброй Франции», – отмечалось ещё в одном докладе, написанном неким Одоевским [29: 309 об.]. Ожидая встречи с Врангелем, члены миссии посетили польского, сербского, японского, французского и американского военных атташе [27: 7]. От американского военного представителя контр-адмирала Н. Мак-Калли, принявшего Чикаленко в своей каюте на корабле, последний по секрету узнал, что дела у Врангеля обстоят не самым лучшим образом, а десант на Кубань не удался. Мак-Калли посоветовал делегации не засиживаться в Севастополе и сказал, что может помочь ей добраться в Констанцу [31: 139–140]. Также члены делегации посетили севастопольский костёл, в котором состоялось торжественное молебствие за успех польского оружия [19]. Перед самым отъездом полковник Крат зашёл к заместителю французского атташе и попросил его взять на себя защиту интересов украинцев, находившихся в рядах Русской армии, и до приезда атташе УНР сноситься по этому вопросу с Левченко и Янушевским. Француз обещал помочь всем, чем сможет [27: 14]. Делегацию посетили корреспонденты газет – английской «Daily Telegraph» и американской «Chicago Daily Tribune». Сотрудник чикагской газеты Л. Ру даже сфотографировал делегацию [27: 7], но, вероятно, фотография была впоследствии утеряна (по крайней мере, в архиве газеты в Чикаго её нет).

Когда стало известно о возвращении Врангеля с фронта, Кирей позвал Литвиненко на частный разговор и спросил у него, какие пункты желательны командарму УНР при заключении военной конвенции. Глава делегации ответил, что Омельянович-Павленко перед отъездом говорил про флот, разграничительную линию и украинскую власть на всей Украине. На вопрос Кирея, признают ли украинцы генерала Врангеля главкомом всех союзных армий, Литвиненко ответил, что по этому пункту не получил никаких указаний. Вскоре после этого разговора Черныш, постоянно заходивший к делегации и просивший не волноваться и еще немного подождать, рассказал о том, что Кирей сомневается, «допускать» ли ему приехавших офицеров к Врангелю, ведь «эта делегация привезла такие условия, что с ней всё равно ни до чего не договориться» [27: 7 об. – 8; 31: 138]. Петлюровцы начали

подумывать о том, чтобы уехать из Севастополя. Когда Янушевский однажды встретил на Приморском бульваре Литвиненко тот с явным неудовольствием заметил: «Если Врангель не примет нас в ближайшие дни, то делегация уедет без аудиенции» [5: 184].

По возвращении в Севастополь Врангель созвал совещание по украинскому вопросу, на котором присутствовали Кирей, Кривошеин, Черныш и И.Н. Леонтович (последние двое – в качестве представителей украинской общественности в Крыму). О происходившем на совещании делегацию УНР проинформировал Черныш. Как только все собрались, Врангель спросил у Кирея: «Что ж, ваше превосходительство, когда же вы представите мне делегацию?» На это Кирей ответил, что делегация привезла такие условия, что он не знает, нужно ли её вообще представлять. «Генерал по украинским делам» сообщил Врангелю то, что услышал от Литвиненко во время частного разговора: «1) Они вас не признают. 2) Они требуют создания украинской власти не только на территории, занятой украинским войском, а и на территории, занятой нашим войском. Например: мы должны продолжать держать фронт, но сейчас же поставить в Мелитополе украинского губернатора. 3) Они предлагают разграничительной линией Днепр и требуют, чтобы мы не могли ни в коем случае перебрасывать свои силы за Днепр, хотя бы это и требовалось оперативной обстановкой. 4) Они требуют, чтобы им был отдан наш флот. Они будут возить на нём товары, а если будет опасность, то сядут на него и куда-то поедут. 5) Они требуют от нас патроны, одежду и др.» Врангель, услышав такие «условия», сразу же встал и сказал, что разговаривать в таком случае не о чем: «Пусть делегация едет назад, но дело от этого не ухудшится. Конечно, жаль, что и в дальнейшем война будет вестись отдельными армиями без общего контакта, но биться с украинцами я не буду, так как моя задача – уничтожить большевизм». После Врангеля слово взял Черныш, заявивший, что главком неправильно проинформирован, так как делегация приехала узнать про условия, на которых могла бы быть заключена военная конвенция, но сама она никаких условий не ставит. Тогда Врангель решил назначить приём делегации сразу же по возвращении с фронта Шатилова [27: 8–9].

Почему Кирей не хотел представлять делегацию Врангелю? Вероятно, определённую роль сыграли слухи о связях полковника Ноги и прибывшей миссии с опальным Слащёвым. Впрочем, «слащёвским» фактором всё явно не ограничивалось. Донской генерал-майор С.К. Бородин впоследствии отмечал, что главным тормозом в достижении взаимопонимания Врангеля с петлюровцами были Кривошеин и Кирей: «Первый был открытым противником, а второй обманывал Врангеля своими докладами, в которых представлял украинское дело

в несоответствующем свете» [26: 28 об.]. Несомненно то, что Кирей вообще крайне отрицательно относился к украинским сепаратистам. Генерал-лейтенант П.С. Махров вспоминал: «Я хорошо знал генерала Кирея. Он был по происхождению, как он всегда подчеркивал, “малоросс”. Никакой Украины, как только этнографической, он не признавал. Это был человек русской культуры, человек умный и высокообразованный. <...> Он терпеть не мог украинцев-сепаратистов, называя их “валютчиками”, и считал, что единственным побуждением к сепаратизму и единственным слоем сепаратизма является небольшая кучка украинской полуинтеллигенции, стремящейся обогатиться за счёт малороссов, не имеющих в голове идеи отделения от России. Он, знавший хорошо украинский народ, выросший среди малороссов-крестьян, владевший в совершенстве их языком, считал Петлюру и его правительство мошенниками, гоняющимися за наживой, за валютой, чтобы в смуте времени хорошо пожить и обеспечить себя на случай бегства за границу» [33: 275–276].

Изначальное предубеждение против самостийников, вероятно, только окрепло во время его частного разговора с главой миссии УНР. Сам Литвиненко не отрицал, что говорил на встрече с Киреем про флот, разграничительную линию по Днепру и установление украинской власти, просто он полагал, что «генерал по украинским делам» не совсем корректно передал его слова Врангелю. Но, учитывая то, что глава делегации с трудом выражал свои мысли по-русски, нет ничего удивительного в том, что Кирей как-то превратно понял изложенные им тезисы. Похоже, и сам состав делегации был глубоко антипатичен Кирею, который в 1921 г. сказал одному из представителей УНР, что их правительство не могло сделать лучшего шага к конфликту, нежели высылка делегации в таком составе – из «хлопчиков», на каждом шагу мешающих делу заключения стратегического соглашения: «Мы думали увидеть у себя кадровых офицеров – представителей войска УНР, людей почтенных и серьёзных, а нам прислали компанию молодых людей, далёких от дипломатии» [27: 46].

28 августа (10 сентября), две с лишним недели спустя после прибытия делегации в Крым, она всё же была принята Врангелем в Малом дворце. Хотя дворец находился поблизости от «Бристоля», за членами делегации были посланы автомобили. На приёме, начавшемся в час дня, кроме Врангеля и пятерых делегатов присутствовали Шатилов, Кирей, начальник Военного управления В.Е. Вязьмитинов, начальник Управления иностранных сношений П.Б. Струве, И.Н. Леонтович, Черныш, Кривошеин (явился к концу встречи) и другие лица [5: 185; 22; 28: 45]. «Когда нас ввели в зал, или скорее кабинет, ген[ерала] Врангеля, там уже было довольно много людей. Сам Врангель сидел за

письменным столом и с кем-то через стол разговаривал. Другие стояли группами в разных местах зала и, куря папиросы, разговаривали. Врангель встал с места и по очереди, в которой мы шли, здоровался с нами, а ген[ерал] Кирей говорил ему наши фамилии. Врангель одет был в чёрную черкеску, очень просто, бритый; сам длиннолицый и длинноголовый, производил своим высоким ростом впечатление переодетого скандинава. Что-то лошадиное было в его маловыразительном, хотя в общем достаточно интеллигентном лице», – вспоминал Чикаленко [31: 145]. Литвиненко обратился к Врангелю с речью, написанной по его проекту Чернышом и Чикаленко, а затем заученной на память [31: 144, 146]. В этой речи он высказал стремление «подать друг другу руку в борьбе с общим врагом», хотя и заметил, что полномочий для подписания договора не имеет. «Позвольте, Ваше Высокопревосходительство, ещё раз искренне приветствовать Вас и в Вашем лице Русскую армию и выразить уверенность в том, что протянутая нами рука встретит Вашу руку, и это будет залогом успеха борьбы с общим врагом и естественных братских отношений, кои установятся между Украиной и Россией. Слава Русской армии! Слава Её Вождю!» – закончил свое выступление Литвиненко [27: 15–16].

Во время речи Литвиненко, когда тот говорил о протянутой руке, Врангель протянул ему свою руку со словами: «Со своей стороны охотно протягиваю руку и думаю, что прошлое уже не повторится» [5: 185]. Ответ Врангеля на речь Литвиненко был примерно следующим: «Вы знаете, что я отмежевался от политики своих предшественников. Я считаю, что все, кто борется с большевиками, должны объединиться, и это будет залогом успеха и победы. Про политику сейчас говорить несвоевременно, но вы знаете, что я заключил соглашение с Доном, Кубанью, Терекком и Астраханью, признавши их самостоятельность во внутреннем управлении краем. Я сознаю, что Украина должна вполне самостоятельно решить свою судьбу». После обмена приветствиями Врангель отметил, что он немедленно вышлет самолет к генералу А.В. Геруа в Бухарест с приказом не только пропустить 3 000 000 патронов для украинской армии из Вены, но и войти в наитеснейшие дружеские отношения с украинским военным представителем в Румынии генералом С.Н. Дельвигом. После военного соглашения, по словам Врангеля, будет и соглашение политическое. Кривошеин в свою очередь выразил уверенность в том, что со стороны русского командования и правительства будут сделаны все уступки, чтобы прийти к соглашению, но он не уверен, будет ли уступчивым украинское правительство. На это Врангель заметил: «Я оптимист и уверен, что мы придём к соглашению!» [27: 9 об. – 10]

После произнесения основных речей Врангель ещё раз пожал руки

всем членам делегации [5: 185]. Некоторые из присутствующих сели за стол, а другие отошли в сторону и продолжили беседовать в индивидуальном порядке. Так, к Чикаленко подошел сотрудник Струве по управлению иностранных сношений П.Н. Савицкий, сын черниговского помещика и в будущем один из главных теоретиков евразийства. Оказалось, что они были знакомы по археологическим раскопкам начала 1910-х гг. Чикаленко попросил Савицкого организовать ему встречу со Струве, ссылаясь на то, что в украинском правительстве есть ученики врангелевского «министра» по петербургскому Политехническому институту – В.В. Садовский и А.А. Ковалевский, и им было бы приятно услышать что-нибудь про своего учителя [31: 146–147]. На следующий день Струве принял Чикаленко и в разговоре с ним, как следует из отчёта делегации, сказал весьма примечательную фразу: «Вы и мы ясно видим, что теперь не время заниматься политическими делами. Как мы будем разговаривать с вами в будущем, зависит от вашей и нашей силы в тот момент» [27: 6 об.]. Сам Чикаленко впоследствии так описал разговор со Струве: «Когда он расспрашивал о Садовском и Ковалевском, то видно было, что помнит их хорошо и что в своё время обратил внимание на них. После таких, скажем, слов вежливости, совсем нейтральных, перед тем как попрощаться, я всё же таки спросил его, как он смотрит на наше, возможно, близкое соглашение. Он довольно сдержанно, без всякого энтузиазма сказал, что тяжело при современных международных обстоятельствах что-либо предвидеть и всё будет зависеть от соотношения сил» [31: 148].

В тот же день, когда Чикаленко побывал у Струве, делегация была принята начальником штаба генералом Шатиловым. В беседе с ним Чикаленко отметил, что до Украинского Учредительного собрания правительство не может отказаться от независимости республики, так как она была провозглашена народным собранием – Центральной радой, и может быть отменена только другим народным собранием. Именно поэтому, по словам Чикаленко, правительство и командование УНР не могут обсуждать политическое устройство Украины и её отношения с Россией после уничтожения большевизма, но военная конвенция является необходимой в настоящий момент. Полковник Крат беседовал с Шатиловым исключительно по оперативным вопросам. Шатилов высказал пожелание, чтобы главкомом союзных сил был Врангель, хотя и признал этот вопрос тяжёлым для решения из-за политических обстоятельств. Также он выступил против разграничительной линии по Днепру, так как при проведении операций она будет мешать переброске резервов. «Генерал отметил, что русское командование не заинтересовано существованием российской власти на Украине, так как ему выгоднее как можно быстрее пройти

украинскую территорию, но там, где их войско, вся власть должна быть тоже их, но они безусловно обеспечат свободное проведение украинского национального дела и национальной агитации. То же самое на территории, занятой украинским войском, должна быть и украинская власть, хотя бы это было в Калужской или Рязанской губернии», – отмечал Литвиненко в докладе. Шатилов высказал мнение, что мобилизация на Левобережье, скорее всего, проведена не будет, так как русское командование более заинтересовано Доном, пообещал полную поддержку в снабжении патронами и высказал мнение, что операция на Одессу с моря невозможна из-за минных заграждений. Он также вынужден был признать, что белый десант на Кубань не удался, так как население не подняло восстание. В заключение начальник штаба предложил провести съезд делегатов не в Бухаресте, а в Константинополе, чтобы поддерживать с ними постоянную связь. Литвиненко, в свою очередь, выразил пожелание, чтобы при заключении соглашения присутствовал представитель Франции [27: 10–12].

Много лет спустя Литвиненко вспоминал, что ни о чем конкретном договориться не удалось, но Врангель всё же изъявил согласие на военный союз, который должен был быть заключен в Константинополе, причём о времени прибытия туда представителей петлюровцы должны были узнать от русского военного агента в Румынии генерала Геруа [23: 169]. Блудымко также пришёл к выводу, что Врангель и его правительство убедились в необходимости военного соглашения с правительством УНР, при этом сам главком от искреннего сердца, а его окружение – Кривошеин, Струве, Шатилов – под влиянием последних неудач на Кубани и Дону и недоверия населения к проводимым ими реформам. При этом тот же Блудымко полагал, что в кругах русской общественности никаких изменений во взгляде на Украину не произошло, и если её представители и ругали Деникина, «то лишь потому, что он не смог обдурить украинцев» [6: 45 об., 49]. На Черныша аудиенция в Малом дворце произвела самое благоприятное впечатление сердечностью и любезностью со стороны Врангеля. Литвиненко также признавал, что приём был очень любезен, но Врангель показался ему неискренним [5: 186].

Открыто недовольство появлением миссии УНР в Крыму выражал только галичанин Ф.В. Марущак, который призывал бить украинцев, а «эту делегацию перевешать». Литвиненко утверждал, что Марущак приехал в Севастополь как посланник от диктатора Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) Е.Е. Петрушевича [27: 13 об.]. Это маловероятно, так как в 1919 г. Марущак находился на итальянской службе и возглавлял «Галицкий совет Подъяремной Руси в Италии»,

занимавшийся формированием галицко-русских подразделений из австро-венгерских военнопленных и отправкой их в белую армию «для борьбы за единство России» [35].

Членам миссии удалось собрать некоторую информацию про численность и вооружение Русской армии, впоследствии включенную в доклад Литвиненко. Незадолго до отъезда хорунжий Роменский в частном порядке узнал, что и врангелевский десант, отправленный на Дон, был разбит [27: 12–13 об.]. Исходя из этого, члены делегации решили, что «ориентация» Врангеля на восток лопнула и теперь он будет пытаться установить связь с силами на западе – Украиной и украинскими повстанцами, а также с Н.И. Махно. По сведениям, собранным петлюровцами, врангелевская мобилизация проходила неуспешно, а население относилось к режиму скептически и даже враждебно [28: 46].

Утром 1 (14) сентября 1920 г. делегация выехала в Констанцу на американском контрминоносце, места на котором ей были предоставлены контр-адмиралом Мак-Калли. Отъезд оказался настолько неожиданным и спешным, что попрощаться делегация успела только с Киреем. 2 (15) сентября миссия прибыла в Констанцу, с 3 (16) по 6 (19) сентября находилась в Бухаресте. Проинформировав главу украинской дипломатической миссии в Румынии профессора К.А. Мациевича и военного агента генерала С.Н. Дельвига о результатах поездки, она выдвинулась через Станиславов на фронт [27: 14–14 об.; 31: 149–151]. 8 (21) сентября 1920 г. делегаты вернулись в петлюровскую Ставку [28: 44].

Во время обратного пути через Румынию, давая комментарии местным газетам, Литвиненко сообщал, что признание культурных и национальных интересов Украины со стороны Врангеля создает почву для совместных действий [16: 201 об.; 17: 38]. Украинское пресс-бюро изложило впечатления Литвиненко после его возвращения: «Я удовлетворён тем, что имел случай быть в контакте несколько дней с теми, которые восстанавливают Россию, базируясь на демократических принципах и показывая, что понимают стремление к свободе всех народов в бывшей России. Я беседовал с Кривошеиным и Струве; в то же время я имел случай встречаться со своими соотечественниками-украинцами. <...> Во время аудиенции Врангель сказал мне, между прочим, что его политика отличается от политики его предшественников и что все борющиеся против большевиков силы должны объединиться, так как только такое объединение может служить залогом успеха и победы. Это мнение Врангеля мы, украинцы, разделяем с удовлетворением. Наша цель – объединенными усилиями ввести порядок и мир, уничтожив раз навсегда террор и беззаконие.

Для достижения этой цели необходим союз обоих правительств, и этот союз, несмотря на закулисные интриги, скоро будет заключён» [14: 17–18].

В частном же порядке Литвиненко высказывался весьма критически: «Отношение обоих помощников главнокомандующего (т. е. Кривошеина и Шатилова) к Украине было неблагоприятное. Кривошеин говорил с делегациею ядовито, уклоняясь от главной цели приезда делегации. Основная его мысль была: военное соглашение с Украиною возможно, а в политическом отношении сговориться трудно. Генерал Шатилов ничего определённого не сказал, но был настроен очень враждебно. Враждебнее же всех относился к Украине генерал Кирей» [5: 181]. Министр иностранных дел УНР А.В. Никовский на основании предоставленной ему информации пришёл к выводу, что военное положение Врангеля не является удовлетворительным, правительственные сферы Крыма «не склонны в переговорах с украинским правительством встать на почву государственности и независимости Украинской Народной Республики» и попытаются «ограничиться неясными обещаниями» [27: 40 об.].

Таким образом, визит делегации УНР не привёл к каким-то принципиальным подвижкам, хотя и разрыва, к которому всё могло прийти из-за некомпетентности Литвиненко и неприязненного отношения Кирея к далёким от дипломатии «хлопчикам», не случилось. Встреча делегации с Врангелем прошла вполне корректно, но окружение главкома явно было не в восторге от неожиданного приезда петлюровцев и первое время даже не знало, как на него реагировать. Петлюровцы, в свою очередь, убедились, что положение Врангеля не настолько прочно, как писала иностранная пресса, и раньше других узнали о провале кубанского и донского десантов. Обе стороны признали желательным заключение военного соглашения, но до согласования его пунктов было чрезвычайно далеко, а политическое соглашение между Югом России и УНР казалось чем-то совершенно невероятным из-за принципиальных и неразрешимых противоречий между сторонами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борщак І. Як Петлюра братався з Врангелем (З недавнього минулого) // Українські вісті. 1926. 1 травня. № 1. С. 2.
2. Вал. Кар. Беседа с представителями военной украинской миссии // Время. 1920. 22 августа. № 39. С. 2.
3. Верстюк В.Ф., Осташко Т.С. Діячі Української Центральної Ради: Біографічний довідник. Київ, 1998. 254 с.

4. *Гаврилюк Г.* Спроба укладення військової конвенції УНР з «Урядом Півдня Росії» в 1920 р. // Київська старовина. 1997. № 3/4 (316). С. 152–156.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Янушевский Г.Е. «Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г.» 1934 г.
6. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 31. Материалы к мемуарам «Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г.» 1934 г.
7. *Иванець А.В.* Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кінець 1918 – 1920 рр.). Сімферополь: ДОЛЯ, 2013. 176 с.
8. *Коваль Р., Моренець В.* «Подєбрадський полк» Армії УНР. Кн. 1. Київ: Историчний клуб «Холодний Яр»; Український пріоритет, 2015. 376 с.
9. *Крат М.* Козацькому роду нема переводу. Бетезда, 2010. 309 с.
10. *Леонтович В.* Уривок спогадів. Українці в Криму за часів генерала Врангеля // Тризуб. 1933. 10 грудня. № 45. С. 11–17.
11. Миссия Петлюры // Время. 1920. 20 августа. № 37. С. 3.
12. *М-т П. [Шандрук П.Ф.]* Українська військова делегація у Врангеля (10. IX.1920). (На підставі автентичних документів) // Літопис Червоної Калини. 1933. № 7–8. С. 5–7.
13. *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ: Темпора, 2007. 608 с.
14. Полтора года «работы» украинской контрреволюции // Бюллетень Информационного бюро Наркоминдела УССР и Закордота ЦК КПУ. 1920. № 2–3. С. 1–29.
15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16096. Оп. 1. Д. 192. Списки солдат, офицеров и военных чиновников с фамилиями от Крата М. до Крешенцова И. Кон. XIX – нач. XX в.
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Разведывательные сводки белой армии и приказы генерала Врангеля, захваченные у противника. 1920–1921 гг.
17. РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 177. Бюллетени и прессводки информационного бюро Наркоминдела Украины; агентурные сводки Регистрационного управления штаба Республики и штаба фронта. 1920–1921 гг.
18. *Симоненко Р.Г.* Провал політики міжнародного імперіалізму на Україні (II половина 1919 – березень 1921 р.). Київ: Наукова думка, 1965. 303 с.
19. Среди поляков // Юг России. 1920. 1 сентября. № 128. С. 2.
20. *Суворин Б.* День за днем // Время. 1920. 23 августа. № 40. С. 1–2.
21. *Тинченко Я.* Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Кн. 1. Київ: Темпора, 2007. 536 с.
22. Украинская делегация у Главнокомандующего // Юг России. 1920. 30 августа. № 127. С. 2.
23. Українське відродження 1917–1920 рр. на Сумщині. Т. 1 / авт-упор. Г.М. Івануценко. Суми: ФОП Наталуха А.С., 2010. 280 с.

24. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1075. Оп. 1. Д. 67. Реєстраційні картки та нагороджувальні листи на військовослужбовців армії УНР. 1920–1921 рр.

25. ЦГАВО Украины. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 94. Абетка осіб, які одержали підвищення по службі. Б.д.

26. ЦГАВО Украины. Ф. 1075. Оп. 4. Д. 37а. Листування з Генеральним штабом УНР про становище врангелівської армії в Болгарії та Сербії. 1921–1922 р.

27. ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28. Листування щодо справи генерала Врангеля. 1920–1921 рр.

28. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922 рр.

29. Центральный государственный архив общественных объединений и украиники (ЦГАООУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 152. Материали о политике Врангеля, борьбе с ним и освобождении Крыма. 1918–1920 гг.

30. *Чемакин А.А.* Генерал Я.А. Слащёв и миссия полковника Я.Д. Ноги в Галичину (апрель – август 1920 г.) // Русин. 2024. № 77. С. 141–166. doi: 10.17223/18572685/77/10

31. *Чикаленко Л.* Уривки зі спогадів з років 1919–1920. Нью-Йорк: Наша Батьківщина, 1963. 167 с.

32. *Штанько Я.В.* Білий рух півдня Росії і Українська Держава та УНР (1918–1920 рр.): дис. на здоб. наук. ст. к.і.н. Івано-Франківськ, 2006. 214 с.

33. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov papers. Box 4. Махров П.С. «Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы)». 1953 г.

34. *Chikalenko L.* Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection // Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States. 1959. Vol. VII, № 1–2 (23–24). P. 1647–1655.

35. Hoover Institution Archives (HIA). P.N. Vranghel collection. Box 78. Folder 3. Доклад князя А.М. Волконского. 9 июля 1919 г.

REFERENCES

1. Borshchak, I. (1926) Yak Petlyura bratavsya z Vrangelem (Z nedavn'ogo minulogo) [How Petliura fraternized with Wrangel (From the recent past)]. *Ukraïns'ki visti*. 1st May. p. 2.

2. Val. Kar. (1920) Beseda s predstavitelyami voennoy ukrainskoy missii [Conversation with representatives of the Ukrainian military mission]. *Vremya*. 22nd August. p. 2.

3. Verstyuk, V.F. & Ostashko, T.S. (1998) *Diyachi Ukraïns'koï Tsentral'noi Radi: Biografichnyi dovidnik* [Members of the Ukrainian Central Rada: Biographical directory]. Kiev: [s.n.].

4. Gavriilyuk, G. (1997) Sproba ukladennya viys'kovoï konventsii UNR z "Uryadom Pivdnyia Rosii" v 1920 r. [An attempt to conclude a military convention between the UPR and the "Government of South Russia"] *Kiivs'ka starovina*. 3/4(316). pp. 152–156.

5. Yanushevskiy, G.E. (1934) *Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Vrangel'e v 1920 g.* [The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 3.

6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1934) *Materialy k memuarom "Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Vrangel'e v 1920 g."* [Materials for the memoirs "The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920"]. Fund R-7440. List 1. File 31.

7. Ivanets, A.V. (2013) *Krims'ka problema v diyal'nosti UNR periodu Direktorii (kinets' 1918 – 1920 rr.)* [The Crimean problem in the activities of the UPR during the Directory period (late 1918 – 1920)]. Simferopol: DOLYa.

8. Koval, R. & Morenets, V. (2015) *"Podebrads'kiy polk" Armii UNR. Kn. 1* [Podebrady Regiment of the UPR Army. Book 1]. Kiev: Istorichniy klub "Kholodniy Yar"; "Ukraïns'kiy prioritet".

9. Krat, M. (2010) *"Kozats'komu rodu nema perevodu"* ["The Kozak spirit will never perish"]. Bethesda.

10. Leontovich, V. (1933) *Urivok spogadiv Ukraïntsi v Krimu za chasiv generala Vrangelya* [A fragment of memories. Ukrainians in Crimea during the time of General Wrangel]. *Trizub*. 45. pp. 11–17.

11. *Vremya*. (1920) *Missiya Petlyury* [Petliura's mission]. 20th August. p. 3.

12. M–t, P. [Shandruk, P.F.] (1933) *Ukraïns'ka viys'kova deleratsiya u Vranl'ya (10.IX.1920) (Na pidstavi avtenticnikh dokumentiv)* [Ukrainian military delegation at Wrangel's headquarters (10.IX.1920) (Based on authentic documents)]. *Litopis Chervonoï Kalini*. 7–8. pp. 5–7.

13. Omelyanovich-Pavlenko, M. (2007) *Spogadi komandarma (1917–1920)* [Memoirs of the Commander (1917–1920)]. Kiev: Tempora.

14. *Byulleten' Informatsionnogo byuro Narkomindela USSR i Zakordota TsK KPU*. (1920) *Poltora goda "raboty" ukrainskoy kontrrevolyutsii* [A year and a half of the "work" of the Ukrainian counterrevolution]. 2–3. pp. 1–29.

15. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Spiski soldat, ofitserov i voennykh chinovnikov s familiyami ot Krata M. do Kreshentsova I.* [Lists of soldiers, officers and military officials with surnames from Krat M. to Kreshentsov I.]. Fund 16096. List 1. File 192.

16. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Razvedyvatel'nye svodki beloy armii i prikazy generala Vrangelya, zakhvachennye u protivnika*

[Intelligence reports of the White army and orders of General Wrangel captured from the enemy]. Fund 101. List 1. File 174.

17. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Byulleteni i pressvodki informatsionnogo byuro Narkomindela Ukrainy; agenturnye svodki Registratsionnogo upravleniya shtaba Respubliki i shtaba fronta* [Bulletins and press reports of the Information Bureau of the People's Commissariat of Foreign Affairs of Ukraine; intelligence reports of the Registration Directorate of the Headquarters of the Republic and the Front Headquarters]. Fund 101. List 1. File 177.

18. Simonenko, R.G. (1965) *Proval politiki mizhnarodnogo imperializmu na Ukraïni (II polovina 1919 – berezen' 1921 r.)* [The failure of the policy of international imperialism in Ukraine (the second half of 1919 – March 1921)]. Kiev: Naukova dumka.

19. *Yug Rossii*. (1920). Sredi polyakov [Among the Poles]. 1st September. p. 2.

20. Suvorin, B. (1920) Den' za dnem [Day by day]. *Vremya*. 23rd August. pp. 1–2.

21. Tinchenko, Ya. (2007) *Ofiters'kiy korpus Armii Ukraïns'koï Narodnoï Respubliki (1917–1921). Kn. 1* [Officer Corps of the Army of the Ukrainian People's Republic (1917–1921). Book 1]. Kiev: Tempora.

22. *Yug Rossii*. (1920) Ukraïnskaya delegatsiya u Glavnokomanduyushchego [Ukrainian delegation at the Commander-in-Chief]. 30th August. p. 2.

23. Ivanushchenko, G.M. (ed.) (2010) *Ukraïns'ke vidrodzhennya 1917–1920 rr. na Sumshchini. T. 1* [The Ukrainian Revival of 1917–1920 in Sumy Region. Vol. 1]. Sumy: FOP Natalukha A.S.

24. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1921) *Reestratsiyni kartki ta nagorodzhuval'ni listi na viys'kovosluzhbovtiv armii UNR* [Registration cards and award letters for military personnel of the UPR army]. Fund 1075. List 1. File 67.

25. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1921–1923) *Abetka osib, yaki oderzhali pidvishchennya po sluzhbi* [Alphabet of people who received promotions]. Fund 1075. List 1. File 94.

26. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1921–1922) *Listuvannya z General'nim shtabom UNR pro stanovishche vrangelivs'koï armii v Bolgarii ta Serbii* [Correspondence with the General Staff of the UPR on the situation of the Wrangel army in Bulgaria and Serbia]. Fund 1075. List 4. File 37a.

27. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1921) *Listuvannya shchodo spravi generala Vrangelya* [Correspondence regarding the case of General Wrangel]. Fund 1429. List 2. File 28.

28. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1922) *Informatsiyni*

dopovidi pro podii na pol's'ko-ukraïns'komu fronti, oglyad viys'kovikh podiy na Ukraïni [Information reports on events on the Polish-Ukrainian front, an overview of military events in Ukraine]. Fund 3696. List 2. File 624.

29. The Central State Archive of Public Organizations and Ukrainianica (TsGAOUU). (1918–1920) *Materialy o politike Vrangelya, bor'be s nim i osvobozhdenii Kryma* [Materials about Wrangel's policy, the fight against him and the liberation of Crimea]. Fund 5. List 1. File 152.

30. Chemakin, A.A. (2024) General Yakov A. Slashchov and Colonel Yaroslav D. Noga's mission to Galicia (April – August 1920). *Rusin.* 77. pp. 141–166 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/77/10

31. Chikalenko, L. (1963) *Urivki zi spogadiv z rokov 1919–1920* [Excerpts from memories from 1919–1920]. New York: Nasha Bat'kivshchina.

32. Shtanko, Ya.V. (2006) *Biliy rukh pivdnya Rosii i Ukraïns'ka Derzhava ta UNR (1918–1920 rr.)* [The White Movement of South Russia and the Ukrainian State and the UPR (1918–1920)]. History Cand. Diss. Ivano-Frankivsk.

33. Makhrov, P.S. (1953) *General Wrangel and B. Savinkov (1920–1924)*. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov Papers. Box 4.

34. Chikalenko, L. (1959) Ukrainian – Russian negotiations in 1920: a recollection. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Social Sciences in the United States.* 1–2(23–24). pp. 1647–1655.

35. Hoover Institution Archives (HIA). (1919) *Doklad knyazyia A.M. Volkonskogo ot 9 iyulya 1919 g.* [Report by Prince A.M. Volkonsky, July 9]. P.N. Vrangell Collection. Box 78. Folder 3.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru